

Жена Плеханова

Я был студентом, юношей, когда мне выпало счастье познакомиться с Розалией Марковной Плехановой. Один из наших соучеников рассказал мне и другому студенту, что в Ленинград доставлен архив Плеханова, что его привезла Розалия Марковна. Парень этот был знаком с кем-то из сотрудников возникшего в то время Дома Плеханова.

Мы хорошо знали слова Ленина о необходимости изучать лучшее из написанного Плехановым и решили сочинить репортаж о Доме, носящем его имя. Произведения Плеханова мы изучали с усердием, и это, казалось нам, давало право на визит к Розалии Марковне. Предварительно мы предложили журналу «Жизнь искусства» задуманный нами репортаж. Ответственный редактор Гайк Георгиевич Адонц и заведующий редакции Николай Петрович Малков заинтересовались этой темой.

В Доме Плеханова к нам вышла маленькая женщина, энергичная и волевая, с гордо поднятой головой, с живым и пронзительным взглядом. Она была рада гостям-студентам и сказала, что привезла архив Плеханова в Советский Союз прежде всего для молодежи. «Я, – заметила Розалия Марковна, – хочу, чтобы наследие Георгия Валентиновича было доступно тем, о ком он так много думал: молодой России, молодым русским социалистам».

Мы долго беседовали с женой Плеханова. Она рассказала нам много больше того, что мы могли вместить в небольшую заметку. Говорила она и о жизни, прожитой с Георгием Валентиновичем, о годах скитаний и странствий и о том, как на каждом новом месте, в каждой новой стране ей, как врачу, приходилось заново сдавать экзамены за институт, чтобы получить разрешение на врачебную практику. Она показывала нам материалы архива, в котором было много неизданного – рукописи, письма, конспекты, пометы на книгах.

– Мне, – рассказывала Розалия Марковна, – Международный архив социал-демократии, находящейся в Голландии, предложил за все это большие деньги. Но я отказала им и решила подарить собрание рукописей и книг Плеханова Советскому Союзу. Георгий Валентинович принадлежит России, той России, в которой победила революция.

С большим теплом говорила жена Плеханова о В. И. Ленине.

– Плеханов, – говорила Розалия Марковна, – никогда не переставал ценить Ленина, всегда видел в нем человека образцовой порядочности. Взаимная критика и острая полемика не мешали признанию всего того, что было некогда достигнуто в совместной борьбе. Я привезла рукописи Плеханова, его труды, опубликованные и неизданные, в страну Ленина...

Я очень заинтересовался архивом Плеханова и попросил у Розалии Марковны разрешения поработать над рукописями. Она позволила мне заниматься в доме Плеханова, и я прочитал довольно много неопубликованных материалов, большая часть которых была позднее напечатана. И в 30-х годах я нередко бывал в этом интереснейшем архиве и работал над рукописями, конспектами, заметками на книгах, относившимися к вопросам литературы и искусства.

Приходя в Дом Плеханова, я обычно встречался с Розалией Марковной. Она, казалось, не старела, все так же гордо несла свою голову, все так же вскидывала пенсне и «по-королевски» носила на плечах меховую накидку.

Беседы с Розалией Марковной доставляли мне истинное наслаждение, – она вспоминала о таких временах и людях, о которых я знал только из книг. Она рассказывала о Плеханове, о том, как много он работал, каким обязательным и точным он был. Ленинская тема все чаще проходила через ее рассказы, – она вспоминала, как был влюблен Плеханов в молодого Ленина, о том, как Ленин не терпел малейшего «нажима» на свои убеждения, какой отважной бескомпромиссностью веяло от Ленина.

Вспоминала Розалия Марковна и свою сестру Фанни Боград, жену Сергея Степняка-Кравчинского, которая лично знала Энгельса. В рассказах о Степняке и его жене было много лирики, – вспоминались годы молодости, время дружбы Плеханова с Кравчинским, рисовался образ Степняка, одного из самых смелых революционных борцов, среди бела дня поразившего насмерть царского сатрапа Мезенцева. Розалия Марковна вспоминала, что при возникновении группы «Освобождение труда», при создании этого первого марксистского центра, Плеханов мечтал увидеть Кравчинского среди марксистов. Но Степняк остался народником, и Плеханов, критикуя народничество, идейно разошелся с другом юности.

Однако свою любовь к Степняку – человеку и писателю – он не утратил. Заблуждения его Плеханов считал трагическими, его отвагу и талант прекрасными.

О людях, имена которых вошли в историю и в учебники, Розалия Марковна говорила запросто: «Вера Ивановна... Лев Григорьевич...». Для нее и Ленин был не только политический вождь, победивший в спорах с Плехановым, но еще и добрый знакомый, с которым в начале века она беседовала запросто и дружески.

...В самый канун Второй мировой войны Р. М. Плеханова уехала во Францию. Там жили две ее дочери, вышедшие замуж за французов. Муж одной из дочерей внезапно и тяжело заболел, предстояла операция. Перед отъездом Р. М. Плеханова позвонила мне по телефону. «Я должна ехать, – сказала она. – Я обязана как мать и как врач». Я приехал в Дом Плеханова, чтобы проститься с Розалией Марковной. Она сказала, что собирается вернуться в скором времени. Но пароход, которым она отплыла во Францию, был едва ли не последним, очень скоро разразились военные события.

Всю войну Розалия Марковна провела во Франции, на неоккупированной территории. Ее внуки сражались против гитлеровцев в отрядах маки. В Ленинградскую Публичную библиотеку, филиалом которой являлся Дом Плеханова, иногда приходили письма от Розалии Марковны. Она живо интересовалась судьбами своих сотрудников, собиралась приехать на родину.

Но война все больше отдаляла ее от России, – Ленинград почти три года пробыл в осаде. Возраст брал свое. Розалия Марковна угасла, так и не увидев больше свое детище – Дом Плеханова в Ленинграде.

*Дымишц А. Звенья памяти: портреты и зарисовки. 2-е изд., доп. М., 1975.
С. 393–395.*